

Доктор Роберт А. Петерсон, Откровение и Писание,

Сессия 20, Часто задаваемые вопросы Д.А. Карсона из его книги «Непреходящий авторитет христианских Писаний»

© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт А. Петерсон в своем учении об Откровении и Священном Писании. Это сессия 20, часто задаваемые вопросы DA Carson из его книги *The Enduring Authority of the Christian Scripture*.

Я продолжаю часто задаваемые вопросы, ответы на них, в конце *The Enduring Authority of the Christian Scriptures*, под редакцией DA Carson, чтобы поделиться с вами некоторыми из этих богатств.

Надеюсь, кто-то из вас купит и прочтет книгу, но в любом случае вы получаете сливки. Вы получаете выводы некоторых из этих эссе, и это того стоит. Они того стоят.

14.1, многие ученые продемонстрировали, что в своих истоках христианство было весьма разнообразным, с теологической точки зрения, и что единство доктрины постепенно и жестко навязывалось группой, которая считала себя единственной ортодоксальной, процесс, который занял три или четыре столетия. Ответ: конечно, у этой позиции были громогласные сторонники. Она стала популярной благодаря книге Вальтера Бауэра в 1930-х годах, и сегодня ее самым выдающимся популяризатором, несомненно, является Барт Эрман, бывший евангельский христианин. Но фактические доказательства говорят в другом направлении.

Не то, чтобы из многих теологических позиций одна возникла победоносной, но из одного общего теологического видения возникло много различных ересей. Итак, тезис Бауэра, как его называют, сказал, что писания Павла и Петра. Книга Деяний открывает в Послании к Галатам, что было богословие Петра и богословие Павла, и они были друг против друга в разных фракциях и так далее.

Карсон говорит, что нет, он резюмирует автора 14-й главы этой книги. Нет, было существенное единство и разнообразные ереси, которые были запрещены церковью, возникли из этого единого видения.

14.2, какие доказательства подтверждают это утверждение, опровергая работу Бауэра и, совсем недавно, Эрмана? Во-первых, на страницах Нового Завета,

осторожно, что показывает Иисус, было гораздо больше теологического единства, чем иногда утверждается.

Было показано, что апостолы были самыми близкими к Иисусу людьми, и они были запечатлены им таким образом, что различия в их позициях по сравнению с фигурами второго века, которые не имели непосредственного доступа к Иисусу, были относительно небольшими. Во-вторых, все четыре Евангелия Нового Завета имели различимые связи с конкретными апостолами. Напротив, более поздние документы, такие как Евангелие от Иуды и Евангелие от Марии, не имеют прослеживаемых и достоверных связей с апостолами.

В-третьих, можно следовать этой теологической траектории, траектории прото-православных, которые сохраняют апостольскую традицию, в резком контрасте с литературой других групп, чье вдохновение явно не связано с апостольской традицией. Как нам следует думать об отношениях между Богом и его словом? Хотя очевидно, что Бог и его слово онтологически не идентичны, тем не менее, Писание неоднократно и весьма разнообразными способами настаивает на том, что верить в слово Божье — значит верить Богу, повиноваться слову Божьему — значит повиноваться Богу, не повиноваться слову Божьему — значит не повиноваться ему и т. д. Писание не путает Бога и его слово, но оно наделяет его слово авторитетом самого Бога.

Разве не возможно, 16.2, верить в Евангелие, не слишком суетясь по поводу веры во все, что есть в Библии? Конечно, возможно; люди делают это постоянно, но невозможно делать это последовательно. Или, выражаясь более драматично, рано или поздно человек задается вопросом, а в Евангелие ли действительно верят. Последовательная модель свидетельства Ветхого Завета, апостольского свидетельства, учения самого Иисуса связывает не только Евангелие, но и соответствующий ответ на Евангелие с формой самораскрытия Бога в его слове.

Итак, да, мы верим, что Евангелие спасет, но христианская жизнь подразумевает гораздо больше, чем просто веру в Евангелие. Итак, Бог дал учителям церкви, чтобы они изучали и вдохновляли нас и делились плодами своих трудов, одна из целей которых — побудить нас изучать, по крайней мере, само слово Божие. Идея двух авторов, 17.1, одного божественного и одного человеческого, стоящих за писаниями, по сути своей сложна.

Как нам следует начать думать об этих вещах? Ответ в том, что задача заключается в том, чтобы быть верным самому библейскому языку. Если противопоставить автора-человека божественному автору, то если важность одного из них будет преуменьшена, а другого соответственно принижена, а многие предлагаемые модели были виновны в этой ошибке, то это, конечно,

проблематично. Иногда обсуждение переходило к словам, которые были неправильно поняты.

Например, на протяжении веков многие говорили о том, что писание диктуется Богом, что некоторые могли бы изначально подумать, что сводит писателя-человека к секретарю, пишущему под диктовку. Но лучшие из тех теологов, которые используют язык диктовки, например, Кальвин, выбрали латинский диктант не для описания способа передачи, а для подчеркивания результата; слова писания действительно являются словами Бога. В то же время они полностью настаивали на вкладе, который внесли авторы-люди, выходящем далеко за рамки простой транскрипции.

Я уже говорил об этом в лекциях : утверждать, что церковь придерживается божественной диктовки, значит путать использование этого языка с результатом Библии, путать это с теорией вдохновения, то есть божественной диктовкой слова через механических авторов, действующих как механические секретари, что просто проблематично.

18.2, похоже ли повествование о сотворении мира в Бытии, например, на вавилонский «Энума Элиш» и другие древние ближневосточные мифы о сотворении мира? Конечно, есть некоторые интересные параллели, но ответственные выводы, сделанные на основе этих параллелей, требуют, чтобы мы оценили не только различия между Бытием и вавилонскими мифами, но и возможные объяснения их кажущегося сходства. Тщательное изучение раскрывает огромные различия в мировоззрении между Бытием и «Энума Элиш».

В своих трактовках, 19.1, библейского авторитета, не уделили ли христиане слишком много внимания разнообразным литературным жанрам Библии? Да, это справедливое замечание. Наиболее серьезные трактовки авторитета Библии развивались в конфессиональных и церковных условиях. Многие из лучших трактовок литературных жанров Библии развивались в университетских условиях.

Однако в последние годы гораздо больше внимания уделялось некоторым отношениям между авторитетом и литературным жанром, не в последнюю очередь, и с несколькими иными результатами, в трудах Бреварда Чайлдса и Кевина Дж. Ван Хузера. Как авторитет писания связан с разнообразными литературными жанрами писания?

19.2, например, упорядочивание повествований Библии, ее сюжетная линия, ее упорядочивающее повествование, ее сюжетная линия не только упорядочивает остальную часть библейского материала, но и устанавливает, что на самом деле произошло, и как повествование ведет к историческому откровению Иисуса

Христа. Там, где закон предъявляет требования, где пророчество увещевает, упрекает, угрожает и предсказывает, каждый жанр не только имеет свой собственный способ сделать свой призыв, но и подчеркивает авторитет Бога в предъявлении требований или вынесении, например, упрека.

Тщательное изучение показывает не только, как работает каждый жанр, но и как каждый вносит свой вклад в целое, чтобы обеспечить единое откровение. Итак, да, изучение литературы с точки зрения различных типов литературы Библии и ее различных жанров приносит плоды тем, кто верит Библии и уделяет внимание жанрам, потому что в Писании сообщается гораздо больше, чем мы понимали до того, как внимательно изучили эти жанры. Есть ли преимущества,

19.3, связанные с весьма разнообразными литературными жанрами Библии? Да, конечно.

Разнообразие Библии, как выразился Барри Уэбб, цитата, говорит нам, что авторитет Библии, я цитирую, это тот вид авторитета, который полностью взаимодействует с нашей человечностью. Он говорит с нами изнутри нашей человечности, а не только извне, как, например, в творении. Это не авторитет грубой силы, а тот, который полностью осознает и взаимодействует с нашей слабостью, борьбой и греховностью.

Другими словами, это милостивая, а не принудительная власть. Закрывать цитату. В этом отношении Библия сильно отличается от Корана.

Последнее изображает бога, который не может участвовать в человечестве, не подвергая риску свое собственное божество. Бог Библии не только взаимодействует на многих уровнях с людьми, отраженными в различных литературных жанрах, но и взаимодействует в высшей степени, становясь человеком сам. Он бог, цитата, который не только дал нам книгу и пророка, но и дал нам самого себя. Закрывать цитату.

20.1, что подразумевается под ясностью писания? В конце концов, многие люди считают Библию довольно туманной. Это не значит, что каждая часть писания одинаково проста для понимания, или что нет нужды в учителях, или что каждое мнение о том, что означает текст, одинаково ценно.

Скорее, его следует рассматривать, как говорит название Марка Томпсона, как щедрый дар благодатного отца. Сам язык — это дар Божий, и Бог решил изложить свои искупительные цели на языке, который он дал носителям своего образа. Воплощенный сын Божий неоднократно предполагает ясность Писания, не в последнюю очередь, когда он неоднократно задает вопрос: «Вы не

читали?» И сам Дух участвует как в предоставлении слова Божьего, так и в его принятии.

В общем, цитата, ясность писания — это то качество писания, которое, вытекая из того факта, что оно в конечном итоге является эффективным коммуникативным актом Бога, обеспечивает доступность смысла этого текста для всех, кто приходит к нему с верой. Закройте цитату, эссе Марка Томпсона. Номер 20.

Не является ли это немного круговым, 22.1, попытками установить взгляд Иисуса на писания, ссылаясь на евангелия, которые являются частью писаний? Конечно, хочется избежать порочного круга, но есть более мягкий круг, который неизбежен, когда мы рассматриваем что-либо, претендующее на высший авторитет в любой сфере. Если, чтобы оправдать этот высший авторитет, мы вынуждены ссылаться на какой-то внешний авторитет, то, возможно, этот внешний авторитет вытесняет первый, что призывает нас установить его авторитет с тем же напряжением. Мы скатываемся в бесконечную регрессию.

Другими словами, вы никогда не закончите устанавливать авторитет, чтобы установить, найти авторитет, который устанавливает этот авторитет. Многие ученые признают неизбежность некой мягкой цикличности. Действительно, это желательность.

Глава 22 книги. Первый вопрос. Расскажите мне о Ветхом Завете, Новом Завете, использовании старого 23.2. Использование Ветхого в Новом Завете разнообразно и сложно.

Иногда авторы Нового Завета просто используют язык Ветхого Завета, не намереваясь претендовать на что-то большее, чем лингвистическая связь с отрывком Ветхого Завета. Там, где подразумевается связь, она может принадлежать к нескольким видам. Например, прямое исполнение определенного предсказания, тонкое контекстуальное эхо, некий тщательно определенный *sensus plenior*, более полный смысл, типологическая связь некоторого рода и многое другое.

Если тщательно исследовать эти виды связей, то то, как авторы Нового Завета используют Ветхий Завет, становится гораздо более правдоподобным, чем использование Ветхого Завета в некоторых параллельных иудаизмах первого века. Новый Завет действительно использует Ветхий Завет ответственно, утверждает Карсон, ссылаясь на 23-ю главу этой книги. Но это не простой вопрос.

Это сделано. Он говорит, что это разнообразно. Это разнообразно и иногда сложно.

Но как нам перейти от писания к теологии? 24.2. Было выдвинуто много предложений, например, просто суммировать все, чему учит писание. Принцип. Принципы от конкретных примеров к универсальным абстрактным принципам.

Следуйте траекториям писания, а не тому, что писание говорит явно, и многое другое. В каждом случае, каковы бы ни были достоинства предложения, есть опасности, которых следует избегать. Например, если следовать варианту принципализирования, легко сделать абстрактные принципы, которые являются возможными выводами из текста, более авторитетными, чем конкретные детали текста.

Что мы должны увидеть, так это то, что в то время как Писание имеет высший авторитет, Бог также дал нам учителям долгую историю церкви, самого духа, не говоря уже о наших умах и сердцах, не столько для того, чтобы выработать принципы, с помощью которых мы осваиваем текст, но чтобы мы могли быть осваиваемы текстом, живя по нему, дыша им, проживая его, стремясь к верности совету Божьему. Что мы должны сказать, 25.1, о широко распространенном цинизме по поводу способности знать что-либо о Боге? Эпистемология, изучение знания и того, как мы знаем или думаем, что знаем, является вечно сложной темой. Она скрывается не только за самым сложным обсуждением того, что мы подразумеваем под знанием Бога, но и за Иисус любит меня, это я знаю, потому что Библия говорит мне так.

Поскольку тема в настоящее время находится в таком беспорядке, полезно прочитать обзор некоторых ключевых аспектов, которые в настоящее время обсуждаются или игнорируются. Расскажите мне больше. Какова ценность эпистемологии, 25.2? Их много.

Среди них — фокус на том, что составляет обоснованную или обоснованную веру. Я могу верить, что луна сделана из зеленого сыра, но обоснована ли эта вера? Я могу верить, что Иисус — единственный путь к Богу, но обоснована ли эта вера? Вскоре человек узнает о широком спектре вопросов, когнитивных, моральных, человеческих, конечности и греховности, доказательств, разума, *senses divinitatis*, чувства божественности, которое Бог вложил в людей, откровения, веры, которые связаны с этой дисциплиной. Другими словами, эпистемология достойна изучения, но это действительно сложный вопрос.

Разве такое слово, как непогрешимость, 28.1, не теряет своей привлекательности и полезности, если его приходится подкреплять бесконечными оговорками, различиями и определениями, как в Чикагском заявлении? Ответ: такие оговорки и различия окружают почти каждый весомый термин, используемый в теологическом дискурсе, включая, например, Бога, оправдание, истину, дух, благодать и т. д. В каждом случае можно дать простое

определение, но в резкости и напоре последующих обменов неудивительно, что необходимо провести подробные и иногда технические различия. Итак, какое простое определение непогрешимости можно было бы выдвинуть? Он цитирует британского философа и евангельского христианина Пола Хелма.

По словам Пола Хелма, цитата, выражение, утверждение, предложение, формула, документ, часть документа могут быть названы безошибочными, если они полностью истинны без ошибок, близкая цитата. О, боже. Сегодня все чаще говорят о сообществах интерпретаций.

Что это значит? На Западе царит царство индивидуализма, поэтому интерпретирующие сообщества — это группы христиан, изучающих Библию вместе. Такая вещь должна быть, может быть, намеренной, деноминацией, или могут быть запланированные обсуждения. Готовность выслушивать различные толкования в интерпретирующих сообществах становится все более привлекательной в то время, когда христиане все больше осознают глобальное христианство.

Затем следует важный вопрос 29.2. Итак, все ли толкования различных сообществ одинаково действительны и одинаково верны? Вы просто указываете пальцем на опасность. С одной стороны, это акт как реализма, так и смирения, чтобы признать, что ни один человек, ни одно сообщество не обладает всей правдой о каком-либо отдельном библейском отрывке или теме. Слушание друг друга обязательно приведет к более богатой интерпретации, чем это было бы в противном случае.

Иногда он выдает прямые исправления. Но с другой стороны, нельзя не вспомнить многочисленные предупреждения в Библии относительно ложной доктрины, ложного Христа и ложных евангелий. Не все толкования созданы равными.

И только потому, что та или иная интерпретация поддерживается и защищается определенным сообществом, она не следует, она верна писанию. И поэтому мы возвращаемся к внимательному слушанию других, к перечитыванию Библии, желая быть исправленными, если это означает большую верность, и желая также не стоять над писанием, как будто мы являемся окончательными судьями, когда, на самом деле, писание должно стоять над нами и быть нашим судьей. Когда наука и Библия, кажется, находятся в конфликте, 30.2, как должны действовать христиане? Как они должны обдумывать вещи? Писание имеет окончательный авторитет, но из этого не следует, что конкретное толкование писания, которое мы предпочитаем по тому или иному вопросу, имеет окончательный авторитет.

Итак, мы различаем писание и нашу интерпретацию писания. Поэтому важно ходить со смирением и хорошо слушать. История науки также напоминает нам, что научные теории не только пересматриваемы в теории, именно так работает наука, но и часто пересматривались на самом деле.

Итак, для христиан важно, как бы глубоко они ни были запутаны в современных научных обязательствах, не пугаться каждой теории, которая претендует на научность. Между тем, мы должны позволить как писанию, так и различным наукам говорить своими собственными терминами и избегать добавления герменевтической путаницы, заставляя писание обращаться к науке дня. На глубоком уровне, разве священные книги писания и различных мировых религий, разве священные книги писания различных мировых религий не говорят на самом деле одно и то же? Хотя эта точка зрения очень распространена в западном мире, не в последнюю очередь из-за приверженности Запада определенным формам плюрализма, ее действительно нельзя ответственно защищать.

Эти различные писания говорят так много взаимно противоречивых вещей, не только на уровне деталей, но и по самым глубоким концептуальным вопросам, что нет смысла утверждать, что они на самом деле говорят одно и то же. Христос — сын Божий, или нет, или мы все сыновья Божьи в одном и том же смысле. Есть один Бог, или есть много богов.

Есть один Бог, симплекс ислама, или есть один Бог, сложный тринитаризм христианства? Между создателем и творением непреодолимая пропасть, или мы, люди, сами на пути к тому, чтобы стать богами. Мы спасены нашими делами и чистой благодатью, и так далее, и тому подобное.

Более того, те, кто утверждает, что все эти священные книги на самом деле говорят одно и то же, не только оскорбляют интеллект набожных верующих в различных традициях, но и делают невозможным серьезный разговор между религиозными течениями. Серьезный разговор отказывается скрывать различия, а вместо этого ведет их уважительно и доброжелательно, но не принося в жертву христианскую веру с нашей точки зрения. Может ли это быть последним вопросом? Разве самоподтверждающие утверждения Библии, 31.2, не являются формой кругового аргумента, который изначально является саморазрушительным? Мы снова возвращаемся к этому круговому делу.

Они являются круговыми, но не порочно круговыми. Некоторая степень круговости неизбежна при установлении веры в высший авторитет. Вместо этого, при установлении авторитета Библии на основе большего авторитета, внешнего по отношению к Библии, сама Библия не будет верховным авторитетом.

Итак, он повторяет старое. Разве христиане рассматривают Коран, свою священную книгу, так же, как христиане рассматривают Библию, свою священную книгу? Сходство поверхностное. Очевидно, что у каждой из двух религий есть книга, которую их последователи считают святой и авторитетной.

Тем не менее, различия более распространены и более важны, чем сходства. Например, Библия была написана многими человеческими авторами на трех языках в течение полутора тысячелетий. Хотя она состоит из многих литературных жанров, в совокупности библейские книги прослеживают дугу истории от сотворения до завершения.

Христиане считают, что человеческие авторы были настолько вдохновлены Святым Духом, что получившийся текст действительно богодухновен. Напротив, мусульмане считают, что слова Корана, все на арабском языке, являются словами самого Бога без человеческого посредничества. Мухаммед не рассматривается как вдохновленный или внесший особый словарь или тому подобное.

Никакого понятия двойного авторства не существует. Слова Корана — это слова Бога. Мухаммед был просто инструментом Бога в течение приблизительно 22-летнего периода для запоминания и записи того, что Бог дал ему через ангела Гавриила.

Структурно Коран, далекий от того, чтобы прослеживать дугу истории через множество переживаний мужчин и женщин, представляет себя в 114 сурах, главах, в целом нисходящей длины, большая часть материала состоит из прямого обращения Бога к людям, обычно в командном и увещательном фокусе. Я хвалю вас за эту хорошую книгу, и я благодарю вас за прослушивание этого курса, в котором мы изучали великого и милостивого Бога, проявляющего себя всем людям во все времена и во всех местах в общем откровении и некоторым людям, которые иногда в некоторых местах в особом откровении многими способами, но особенно в воплощении его сына и в Священных Писаниях. Спасибо за просмотр и прослушивание.

Это доктор Роберт А. Петерсон в своем учении об Откровении и Священном Писании. Это сессия 20, часто задаваемые вопросы Д. А. Карсона из его книги «*Несокрушимый авторитет христианского Писания*».